

*И. Кур-Кононович, канд. филол. наук,
адъюнкт Института русского языка
Жешувского университета,
г. Жешув, Польша;*

О СИМВОЛИКЕ ОБЛАКОВ В КОНТЕКСТЕ ПОЭЗИИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Целью статьи является лингвистический анализ символики облаков в поэзии Сергея Есенина. Объект изучения – символика субполя атмосферные явления в функционально–семантическом поле „природа”. Предмет исследования – своеобразие символики облаков в художественной картине мира Сергея Есенина. Метод семантического анализа используется в данном исследовании в сочетании с методом лингвокультурологического описания языкового материала в семантических полях. Выявлены системы архетипов символов, которые автор наслаивает в данном поэтическом фрагменте: религиозного, народного, общекультурного, индивидуально–авторского.

Ключевые слова: символика облаков, поэзия, семантика, метафора, метонимия.

В статье обсуждается вопрос архетипичности символов, их образность и метафоричность, обуславливающие многочисленность интерпретаций. Описание будет охватывать стилистические языковые средства, служащие образности с использованием отдельных символов облаков в поэтических произведениях Сергея Есенина. Внимание обращается на символы–метафоры, метонимии, символы–сравнения, синекдохи.

С семантической точки зрения символ, как и метафора, помогает назвать при помощи одного слова то, что нельзя высказать, используя большое количество слов. Символ, как и метафора в итоге ведут к значительному расширению значения [Авдеенко 2013, 17]. С лингвистической точки зрения облака принадлежат к субполю, касающемуся атмосферных явлений в функционально–семантическом поле „природа”.

Природа в творчестве С. Есенина занимает существенное место. Поэт был очарован природой, что нашло отражение в исключительности символики и метафор. Есенин умел найти красоту везде – у печки, на глиняном полу, за деревней, а главным образом на лоне природы [Stern 2006, 196].

Многие столетия облака, плывущие по небу, приковывают внимание людей. Исходя из древних мифологических представлений, в облаках можно было найти стада крупного рогатого скота, например коров, быков, баранов. Об этом напоминают некоторые диалектные названия облаков, например *Туча*, *Хмара* [СД V, 333–335]. В Балканах и Карпатах известна мифологическая интерпретация облаков, в соответствии с которой, как утверждают здешние верования, здесь обитают демоны.

Восточные славяне для того, чтобы умиловить облака зажигали громничную (среденскую) или четверговую (страстную) свечу, жгли троицкую зелень, ветки вербы. Славяне радовались пасмурной погоде, считали ее благополучной для того,

чтобы сеять злаки, садить овощи, ставить невод (белорусское). В фольклорных текстах тучи символизируют печаль и несчастье [СД V, 333–335].

Слово *облако* заимствовано из старославянского языка в виде *облакь*. Образовано от **obvolkati* ‘окружать, одевать’ (bv>b; ol>ла) [Ш 298]. С этимологией лексемы, вероятно, связана символика таинства, т.е. облака скрывают тайну.

Сегодня слово *облако* имеет много интересных символов, таких как например: минование, толпа, множество, неопределенное количество, непостоянные, обманчивые, иллюзорные (призрачные) явления. С давних времен славяне считали облака плащом, прикрывающим Солнце, а также воздушными мореплавателями. Известен фразеологизм *витать в облаках* ‘мечтать’ [КОР 333–335].

С. Есенин в своих поэтических произведениях обращался к символическому изображению облаков прежде всего в начальный, наиболее радостный период творчества. Материал для анализа отобран из стихотворений, помещенных в избранных сборниках избранных произведений [Есенин 1977]. Ниже мы проанализируем символику облаков в стихотворениях: *Поет зима – аукает, Край любимый! Сердцу снятся...*, *Не ветры осыпают пуши, Чую радуницу Божью, Сторона ль моя, сторонка, Я пастух, мои палаты...*, *Заглушила засуха засевки*.

[1] *Поет зима – аукает, / Мохнатый лес баюкает / Стозвоном сосняка. / Кругом с тоской глубокою / Плывут в страну далекою / Седые облака* (1910).

В сочетании *седые облака* нашел отражение цветовой символ, потому что седой символизирует заурядность, повседневность [КОР 408]. Метафора *Плывут в страну далекою* благодаря глаголу *плывут* воспроизводит метафорический символ плавности движения, а также спокойствия.

Следующий метафорический элемент *Кругом с тоской глубокою* имеет гиперболическую функцию по отношению к цветовой эпитету *седой* и вносит добавочно значение ‘постоянности признака’, в этом случае – огромной грусти, тоски.

Вышеупомянутые метафоры опережает контекстуальная метафора олицетворение *Поет зима – аукает, Мохнатый лес баюкает Стозвоном сосняка*. Глаголы *аукает, баюкает, плывут (кругом)* составляют определённую цепочку звуковой последовательности – своеобразное пение–сзывание. Здесь слышится колыбельная, т.е. тихая песня, которая выполняет гиперболическую функцию благодаря окказионализму *стозвон (сосняка)*. Сложение двух основ: числительного *сто* и существительного *звон* создаёт символ громкости, радости, здоровья, гармонии [КОР 87–89; 395–396]. В этом последнем утверждают также существительное *сосняк, лес*. Эпитет *мохнатый* вводит значение таинственности (мохнатый ‘обросший шерстью, косматый, т.е. таинственный’), которое усиливают колоронимы (цветовая оппозиция) – белая зима, темный сосняк, седые облака.

Звон ассоциируется с музыкой, радостью, гармонией [КОР 87–89], а сосна указывает на символику долговечности, смелости, победы, здоровья [КОР 395–396].

Общей символикой в этом отрывке стихотворения является повседневность зимнего дня. Здесь присутствует метафорический символ (*Кругом с тоской глубокою Плывут в страну далекою Седые облака*).

Метафорические символы в этом отрывке обращают внимание на следующую символику облаков: 1) восприятие мира: а) тоска – ее постоянность; б) спокойствие. Архетип символов в этом фрагменте – общекультурный.

[2] *По межге, на переметке./ Резеда и риза кашки./ И вызванивают в четки/ Ивы – кроткие монашки./ Курит облаком болото./ Гарь в небесном коромысле./ (1914)*

Стихотворение является примером пейзажной лирики с примесью философских рассуждений о смысле человеческой жизни. В настроение молитвы вводят *кашки* (народное название клевера), цвет которых (розово–фиолетовый или белый) ассоциируется с ризами, облачением священника для богослужения.

Благодаря конфронтативным¹ метафорам *риза кашки* и *Ивы – кроткие монашки* появляется символ молитвы, понимаемой в первом случае, как разговор с Богом о существенных вопросах (священник – посредник), а во втором случае – как молитва Богоматери (Пресвятой Богородице). Посредством олицетворения *И вызванивают в четки*² *Ивы* молитва становится слышной. Следующий этап литургии (богослужения) перенесен благодаря метафоре-олицетворению *Курит облаком болото* над болото.

Конфронтативная перифрастическая метафора (с целью описания) своей образностью обращается к фимиаму (ладану), воспроизводя таким образом метафорическую символику молитвы, обращённой к Богу с целью просить принять жертву, поднимающуюся посредством дыма и благоухания к небу. Ладан символизирует молитву, почтение, с одной стороны, но, с другой стороны, считается также символом очищения [КОР 135–136].

Далее следует обратить внимание на гиперболизацию символа путем двойного соотнесения – ладан и туман над болотом, т.е. облако в этом случае ассоциируется с дымом. Дым ладана вводит символику набожности, нравственности [КОР 136]. Он становится медиатором, связующим звеном между землей и небом, земным и потусторонним миром [СД II, 168–169]. Молитва в природе продолжается.

Облака понимаются Есениным как небесные и земные жители. В этом отрывке как раз подразумеваются эти последние, потому что облака поднимаются над болотом (автор с этой целью использует глагол *курит*).

Функциональный перенос *Гарь в небесном коромысле* утверждает, что молитвы попадают в небо, т.е. это молитвы, услышанные Богом. Существительное *гарь* ‘что-н. горелое’ напоминает метафорическое значение огня – очищение, помилование грехов [КОР 268]. Коромысло облегчает ежедневную работу – помогает без большого усилия носить тяжести. Это значение помогает раскрыть символику Божественной

¹ Согласно польскому теоретику литературы, Х. Маркевичу, мы делим метафоры на конфронтативные, эвокативные, конфронтативно-эвокативные, перифрастические. У каждой метафоры – ее тема и носитель.

² Четки ‘шнурок с бусами для отсчитывания прочитанных молитв’ этимологически происходят от *чѣтка* и, далее, от глагола *чѣсти, чѣту* ‘считать’ бусы, как символ молитвы *Радуйся, Мария, благодатная!* (Ш 493). Ср. польское *różaniec* от роза – символ девической невинности (КОР 362-363).

доброты, милосердия, благодаря которым человеку легче нести земной крест, переносить страдания [КОР 44].

Болото, как свидетельствуют верования восточных и западных славян считается опасным и нечистым местом, где водятся черти [СД I, 228–229]. В западнославянской традиции принято считать, что в болоте обитает нечистая сила. Горы, лес, пустошь у южных славян отождествляются с нечистыми местами.

Этимология названия *резеда* соотносится с латинским словом *resēdāre* ‘утишать, успокаивать’ (П II, 194) или ‘исцелять’ [Ф III, 462]. В прежние времена люди думали, что растение имеет такие свойства. Благодаря этимологии появляется добавочно символика исцеления или утишения, т. е. спокойствия.

Общим исходным символом можно считать философские рассуждения о смысле человеческой жизни, исходной точкой которых являются ассоциации, вызванные сходством природы и одежды священника (цвет клевера – риза священника; облако над болотом – ладан, небесное коромысло), соотношением цикличности существования природы и человеческой жизни. Человек представлен Есениным как неотъемлемая часть природы, и существуют они во взаимопонимании.

В этом фрагменте стихотворения выступают следующие символы: метафорический (*Курит облаком болото, риза кашки, Ивы – кроткие монашки*), функциональный перенос (*Гарь в небесном коромысле*).

Здесь предстает следующая символика облаков: 1) явления природы: а) дым (огонь); 2) предметы, вещи: а) коромысло; 3) восприятие мира: а) молитва; б) посредническая роль молитвы в отношениях небо – земля, Бог – человек. Поэт обращается к религиозному архетипу символа.

*[3] Не ветры осыпают пущи,/ Не листопад златит холмы./ С голубизны незримой
кущи/ Струятся звездные псалмы./ Я вижу – в просиничном плаще,/ На легкокрылых
облаках./ Идет возлюбленная Мати/ С Пречистым Сыном на руках.*

Конфронтативная метафора–олицетворение (тема метафоры – *облака*, а ее носитель – *легкие крылья*) *На легкокрылых облаках* воспроизводит символику тайны, святости, неба (КОР 43). Благодаря глаголу *идет* метафора *На легкокрылых облаках Идет возлюбленная Мати* раскрывает символ твердой, надежной, обоснованной почвы для тайны правды, Божьей чести [КОР 43]. Прилагательное *легкокрылый* ‘быстрый в движении’ воспроизводит также быстроту движений, т. е. скорости перемещения во времени – в эффекте снесения понятия времени.

Определение *в просиничном плаще* вводит цветовой символ синего – спокойствие, вера, набожность, надежда, блаженство, небо [КОР 27]. Выражение *С Пречистым Сыном на руках*, благодаря обстоятельству места *на руках*, воспроизводит значение самого важного дара в образе Божественного Младенца.

Общая символика связана с размышлениями лирического я о существовании человеческой жизни, о роли Бога, Его милосердии, сострадании в жизни людей.

Здесь появляется метафорический символ (*На легкокрылых облаках, Идет возлюбленная Мати*).

В вышеуказанном фрагменте стихотворения представлена следующая символика облаков: 1) предметы, вещи: а) легкие крылья; б) надежная почва (грунт);

2) восприятие мира: а) Божье покровительство, попечение (тайна неба); б) посредническая роль Божьей Матери в отношениях небо – земля, Бог – человек; 3) физические явления: а) быстрота, скорость времени. Поэт обращается к религиозному архетипу символов.

[4] *Сторона ль моя, сторонка,/ Горевая полоса./ Только лес, да посолонка./ Да заречная коса.../ Чахнет старая церквушка,/ В облака закинув крест./ И забольная кукушка/ Не летит с печальных мест./ (1914)*

Глагольная метафора *Чахнет старая церквушка В облака закинув крест* благодаря глаголу *закинуть* по отношению к церкви выявляет символ расстояния между небом и землей, и далее – символ посредничества церкви (ее посетителей) между Богом и человеком. Облака приобретают символику неба, Божьей славы [КОР 43], а их близость к небу и к кресту (они касаются креста) воспроизводит в памяти символ креста – Бог, страдание, жертва [КОР 175]. Общий смысл этого художественного образа – нищая деревенская жизнь есть жертва Богу, Божественное начало вездесущее в крестьянской жизни.

Метонимический образ–символ (здание вместо молящихся людей) благодаря глаголу *чахнет* олицетворяется и выявляет символ грусти, тоски, а даже, учитывая соседство эпитета *старая*, приближающей смерти. Деминутивный суффикс – *ушк(а)* как в слове *старушка, бабушка* имеет гиперболическую функцию – усиливает этот признак и одновременно символ старости, болезни. Церквушка является также наглядным символом православной веры.

Поэт, начиная с описания бедного, грустного пейзажа деревни, переходит к описанию бедного крестьянского быта посредством литоты (художественное преуменьшение величины за счет суффикса –*ушк(а)*) и метонимии (вместо людей здание церкви).

С помощью контекстуального выражения *И забольная кукушка Не летит с печальных мест* (забольный ‘надоедливый’) выявляется символ двойной плоскости тоски – кукушка и печальные места. Кукушка здесь символизирует горе, разлуку, смерть [СД III, 36-37], а также грусть, одиночество, эгоизм [КОР 181–182]. Птица неотрывно связана с этим деревенским грустным пейзажем и, наперекор человеку, не улетает в теплые края на зиму.

Общий символ вызван размышлениями, связанными с жизнью жителей небогатой деревни согласно законам православной религии и божественному началу.

Здесь появляются метафорический и метонимический символы (*Чахнет старая церквушка, В облака закинув крест*).

В анализированном отрывке стихотворения представлена следующая символика облаков: 1) место: а) небо; 2) физические явления: а) расстояние между землей и небом; 2) восприятие мира: а) посредничество между Богом и человеком; б) православная вера; 3) чувства: а) грусть, тоска; 4) удары судьбы: а) смерть (кукушка). В обсуждаемом фрагменте поэт опирается на религиозный (*В облака закинув крест*), народный, мифологический (*забольная кукушка*) архетипы.

[5] Чую Радуницу¹ Божью —/ Не напрасно я живу,/... Под венком, в кольце иголок,/ Мне мерещится Иисус./ Он зовет меня в дубровы,/ Как во царстве небес./ **И горит в парче лиловой/ Облаками крытый лес.**/ Голубиный пух от бога,/ Словно огненный язык,/ Завладел моей дорогой,/ Заглушил мой слабый крик./ (1914)

Есенин восхищался Христом. В письме другу поэт написал, что читая *Евангелие* он обнаружил, что Христос для него совершенство. Поэт подчеркивал, что верит в Иисуса как в человека, одаренного светлым умом и благородной душой, а также видит в нем образец любви ближнего [Watała, Woroszyński 1982, 29]. В приведенном фрагменте Есенин описывает видение Христа.

Перифрастическая метафора (замена конкретного названия его описанием, характеристикой) *Облаками крытый лес* выдвигает символику крыши и одежды 'защиты'. Лес считается символом Земли, родины [КОР 189–190], т.е. имеется в виду защита родины, а поскольку прикрывающая одежда лилового цвета (фиолетовая одежда Христа), речь идет о символике Божественной заботы о крестьянах – убогих людях и об их родине. Одежда создает значение богатства, облаков, а также (как доступная зрению внешняя форма внутренности), сокрытия пороков [КОР 263–265]. Одежда и крыша – пример функционального переноса.

Перифрастическая метафора *И горит в парче лиловой* обнаруживает символику покрыва (продиктованную фиолетовым цветом), а именно – начало и конец человеческой жизни, понимаемой как отражение мученической смерти и воскресения Иисуса Христа. Фиолетовый цвет образуется соединением двух противоположных цветов, красного и синего. Фиолетовые ризы священника ассоциируются с Великой неделей перед Пасхой, когда в церкви вспоминаются муки, страдание, умирание, смерть и воскресение Иисуса. Здесь подтверждается символика Бога Творца, который именуется Альфой и Омегой.

Глагол *горит* воспроизводит символ огня – в этом контексте Бога Создателя (Творца), который обнаруживается в виде огня [КОР 267]. Восстанавливается первое лицо Святой Троицы, а в последующем контексте появляется и Святой Дух. Имеется в виду вся Троица, т.е. абсолютное, целостное, мощное попечение над родиной. Огонь – это мученичество, смерть и воскресение, а все вместе имеет гипорболическую функцию.

В этом художественном образе проявляется символика посредничества облаков между землей и небом, человеком и Богом, а также значение провидения, таинства. Символы Троицы переплетаются – один раз говорится о Христе, в другой раз – о Боге, а иной раз – о Святом Духе. Облака создают символику провидения, святости [КОР 43], а языки пламени – Святого Духа.

Общая символика вызвана видением Иисуса, образ которого недоступен зрению – Иисус предстает в воображении, является невероятно значимым для человека.

В анализируемом отрывке стихотворения появляются метафорические символы (перифрастические метафоры): *И горит в парче лиловой Облаками крытый лес*.

¹ Радуница – религиозный обычай поминовения умерших на могилах на послепасхальной неделе, поминовение (СД IV, 389).

Здесь обнаруживаем следующую символику облаков: 1) предметы, вещи: а) одежда; б) крыша; 2) Троица: а) Бог Создатель; б) Христос; в) Святой Дух; 3) восприятие мира: а) посредничество между Богом и человеком; б) провидение, тайна; в) жизнь – смерть – воскресение. Здесь наслаиваются несколько религиозных символов.

[6] *Вяжут кружево над лесом/ В желтой пене облака./ В тихой дреме под навесом/ Слышу шепот сосняка./ (...)* Позабыв людское горе,/ Сплю на вырублях сучья./ Я молюсь на алы зори,/ Причащаюсь у ручья (1914).

Перифрастическая метафора–олицетворение *Вяжут кружево над лесом/ В желтой пене облака* (тема метафоры – *облака*, носитель метафоры – *кружево*) вводит символику предвидения (фата–моррганы), вызванную полусном природы. Благодаря перифрастической метафоре *В желтой пене облака* появляется поэтический образ подсвеченных солнцем облаков, которые напоминают пену, воспроизводя таким образом символику бесконечности неба через соотнесение с солнцем [КОР 387]. Через указание на желтый цвет воспроизводится символ вечности, ясности, света [КОР 506].

Метафора–олицетворение *Вяжут кружево над лесом (облака)*, сравнивая облака с человеком на основании функции – вязания кружева (крючком, спицами) становится функциональным переносом.

Подсвеченные солнцем облака выступают в роли посредников между небом и землей, Богом и человеком. Здесь появляется символика святости, таинства [КОР 43]. Это посредничество разыгрывается над лесом, который ассоциируется с Землей, родиной, приютом [КОР 189–190].

Сравнение облаков с кружевом и с пеной напоминает о земной красоте за счет природного пейзажа, о тонкости, нежности, деликатности, легкости, т.е. символика деликатности, изящества наслаивается в обоих случаях.

Заметной становится цветовая семантика за счет белой краски благодаря сравнению облаков с пеной. Пена даже этимологически соотносится с молоком; сравни индийское *pajas* ‘молоко’ [BR 45; Ш 332]. В этом случае возникает символика чистоты, невинности [КОР 22–23] по поводу краски и символика очищения, бессмертности (через облака – посредники), связанная с молоком.

Благодаря сосне (у существительного *сосняк* ‘сосновый лес’ гиперболическая функция) появляются положительные символы: долговечности, победы, шепота, молитвы (КОР 395–396). Особенно интересной становится метафора–олицетворение *шепот сосняка*. В изящной природе слышны нежные тихие звуки, издаваемые очень высокими деревьями, какими представляются сосны. С другой стороны вышеупомянутая метафора выполняет функции своеобразного оксюморона (высокая сосна и тихий, неслышный голос).

Полусон природы происходит *В тихой дреме под навесом*, т.е. бесконечно, под Божьим попечением, т.е. в небе (навес) [КОР 251–252].

После введения этой символики появляется более глубокое ощущение трехмерного пространства. Не удивляет шепот сосняка, а в конце стихотворения молитва на алые зори, причастие у ручья.

Общей символикой является полусон природы, ассоциирующийся с деликатностью, тишиной, видением, красотой.

Здесь появляются метафорические символы (перифрастические метафоры: *Вяжут кружево над лесом В желтой пене облака*).

Облака предстают символом: 1) предметы, вещи: а) кружево; б) пена; 2) человек: а) женщина, вяжущая кружево (на спицах или крючком); 3) физические явления: а) видение; 4) восприятие мира: а) посредничество между Богом и человеком; б) красота природы; в) деликатность, легкость, нежность; г) невинность, чистота; д) очищение, бессмертность. Здесь преобладают религиозные, а также появляются авторские (индивидуальные) символы.

[7] *Заглушила засуха засевок./ Сохнет рожь, и не всходят овсы./ На молебен с хоруевьями девки/ Потащились в комях полосы./(...)* *Стрекотуньи-сороки, как свачи,/ Накликали дождливых гостей./ Зыбко пенились зори за роцей,/ Как холстины¹ ползли облака./ И туманно былнице² тощей/ Меж кустов ворковала река.*

Здесь появляется символ–сравнение *Как холстины ползли облака*. Облака сравниваются с льняной тканью и благодаря этому возникает символика облака серого цвета, предвестника дождя; но за счет непосредственного сравнения с холстиной обнаруживается значение будничности, заурядности, бесцветности (КОР 408). Глагол *ползти* намекает на символику медленности, т.е. времени, соответствующего для природных явлений, например дождя (олицетворение).

Метафора–олицетворение *И туманно былнице тощей Меж кустов ворковала река* указывает на реку, которая воркует, т.е. нежничает, льстит, говорит вкрадчиво большой от засухи траве (испытывающей жажду). Олицетворенная, кокетничает с ней туманно ‘неясно, невыразительно’. Возможно, что речь идет о сухой траве, окутанной туманом, понимаемой как насыщенность водяными парами. Тощая трава воспринимается как пустая, не наполненная водой (едой). Наречие *туманно* выдвигает символ эффективности действия. Гиперболический суффикс *-иц* (в существительном *былица*) исполняет увеличительную функцию, но соседство кустов придает этому приему комическую роль. Из гиперболы получается семантическая литота. Былинка ‘стебель, маленький стебелек травы’ находится среди кустов–великанов.

Благодаря глаголу *ворковать* река сравнивается с кокетливым голубем. Она издает звуки, свойственные голубям – однообразные, монотонные. Отсюда кусты имеют значение благоприятствия (содействия) любви.

Общим символом является нетерпеливое ожидание дождя после засухи засевков. Во всем стихотворении как бы чувствуется приближение дождя, его признаки видны в облаках, напоминающих льняную ткань, в тумане над рекой и т.д. Наблюдается постепенный рост напряжения, этому помогают языковые и стилистические средства. Дождь висит в воздухе, ползет ‘идет, передвигается очень медленно’.

¹ Холстина, холст – льняная ткань, обычно кустарной, т.е. домашней, не фабричной выделки (СРЯ 753).

² Быльник (быльница) – полынь, горькая трава; псковский, смоленский или московский говор (лесная трава) (СРНГ III, 346).

Выступают символы сравнения (*Как холстины ползли облака*) и метафорические (*Меж кустов ворковала река*).

В описываемом фрагменте стихотворения представлена следующая символика облаков: 1) предметы, вещи: а) холстины (льняная ткань); 2) явления (природные, физические): а) медленность (своевременность в природе); 3) восприятие мира: а) будничность, заурядность повседневной жизни (и природных явлений). Имеют место религиозные и появляются авторские (индивидуальные) символы.

К символике облаков Сергей Есенин обращался прежде всего в начальный период творчества, охватывающий 1910–1914 годы. В анализируемых фрагментах стихотворений поэта облака символизируют некоторые феномены: вещи (парча лиловая, кружево, холстина, ладан, легкие крылья, коромысло, надежная почва), природные явления (огонь, дым), физические явления (скорость времени, медленность–своевременность в природе, расстояние между землей и небом), место (небо), люди (женщины, вяжущие кружево). Неоднократно облака являются символом из категории восприятия мира (например: спокойствие, радость, красота природы, грусть, душевное очищение).

В собранном нами материале преобладает символика посредничества облаков между землей и небом, человеком и Богом (4) и символика скрываемой тайны (2). В значительной степени преобладают положительные символы, а только в одном случае поэт обратился к отрицательной символике облаков (удары судьбы – смерть). Большую роль в поэтическом описании облаков играет цветовая символика (например: серый – повседневность, лиловый – царственность).

В значительной степени преобладают глубоко религиозные архетипы символов. Образ и символика облаков связаны с Божьей Матерью, Святой Троицей (Богом Отцом, Иисусом, Божьим Духом).

Подытоживая, необходимо отметить, что часто встречающийся образ облака имеет непосредственную связь с выражением личных чувств поэта. Символика облаков, представленная при помощи метафорических, метонимических, сравнительных символов, раскрывает огромное количество смыслов, которые нельзя выразить одним словом.

В статье предложен анализ поэтического текста с применением семантического и лингвокультурологического анализа языкового материала в семантическом поле „природа”. Описание символики облаков в стихотворениях С. Есенина показывает схему введения очередных символов, в которой всё время появляются семы, основанные на логической связи, актуализирующиеся посредством метафоры, причем существенную роль здесь играет соседство носителя метафоры.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Авдеенко И.А.* Символ и метафора. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. – № 3(21). Ч. II. С. 16–18.
2. *Есенин С.А.* Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. – Москва: Правда. 1977. – 447 с.
3. П – *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. Т. I– III. – Москва: Типография Г. Лисснера и Д. Собко. 1910–1914.
4. СД – *Толстой Н.И.* Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. I–V. – Москва: Международные

отношения. 1995–2012. 5. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. I –.... – Москва: Наука. 1965 – ... 6. СРЯ – Ожегов С.И. Словарь русского языка. – Москва: Русский язык. 1984. – 796 С. 7. Ф – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. – Москва: Прогресс. 1986–1987. 8. Ш – Шанский Н.М. Иванов В.В. Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. – Москва: Просвещение. 1975. – 543 с. 9. BR – Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. – Kraków: Wiedza Powszechna. 1927. – 886 s. 10. KOP – Kopalinski W. Słownik symboli. – Warszawa: Wiedza Powszechna. 1990. – 512 s. 11. Markiewicz H. Uwagi o semantyce i budowie metafory. / Studia o metaforze II. Z dziejów form artystycznych w literaturze polskiej; Red. Głowiński M.i Okopień-Sławińska A. – Wrocław: Ossolineum, PAN. 1990. S. 43–59. 12. Stern C. 2006. Poeta i tancerka. Isadora Duncan i Sergiej Jesienin. Tłum. Szymanderska U. – Warszawa: Twój Styl. 2006. – 203 s. 13. Watala E. Woroszyński W. Życie Sergiusza Jesienina. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy. 1982. – 561 s.

Статья поступила в редакцию 18.12.18

*J. Kur-Kononowicz, Doctor of philology (PhD),
Associate Professor in Institute of Russian Studies
of Rzeszów University; Rzeszów, Poland*

ABOUT THE SYMBOLISM OF CLOUDS IN THE CONTEXT OF SERGEY JESIENIN POETRY

The goal of the present article is the analysis of symbolism of clouds in Sergey Jesienin poetry. The semantic-cultural method of description of language material with the usage of semantic fields was accepted. The research material was excerpted from the poetic works of Sergey Jesienin. The clouds are understood (treated) as “atmospheric phenomena” sub-field in the nature semantic field. Description contains the stylistic language means serving representation with the usage of given symbols of clouds in the poetic works of Sergey Jesienin. There were distinguished, among others, symbols expressed metaphorically, metonymically, and also with the usage of comparisions, synecdoches, etc. The clouds are the symbol of things (items), atmospheric and physic phenomena, people, place, perception of the word. Prevails the deep-religional archetypes of the clouds symbols.

Keywords: clouds symbolism; poetry; semantic; metaphor; metonymy.

*I. Кур-Кононович, канд. філол. наук,
ад'юнкту Інституту російської мови
Жешувського університету,
м Жешув, Польща.*

ПРО СИМВОЛІКУ ХМАР В КОНТЕКСТІ ПОЕЗІЇ СЕРГЕЯ ЄСЕНІНА

Метою статті є лінгвістичний аналіз символіки хмар в поезії Сергія Єсеніна. Об'єкт вивчення – символіка субполя “атмосферні явища” у функціонально-семантичному полі «природа». Предмет дослідження – своєрідність символіки хмар у художній картині світу Сергія Єсеніна. Метод семантичного аналізу використовується в даному дослідженні в поєднанні з методом лінгвокультурологічного опису мовного матеріалу в семантичних полях. Виявлено системи архетипів символів, які автор нашаровує в даному поетичному фрагменті: релігійного, народного, загальнокультурного, індивідуально-авторського.

Ключові слова: символіка хмар, поезія, семантика, метафора, метонімія.

ОСОБЛИВОСТІ ФОНЕТИЧНОГО ВАРІЮВАННЯ ДАВНЬОГРЕЦЬКИХ ПАРЕМІЙ: СИСТЕМА КОНСОНАНТИЗМУ

У статті розглядаються основні тенденції історичного розвитку системи консонантизму давньогрецької мови, окреслюються фактори формування фонетичних варіантів давньогрецьких паремій та аналізуються особливості їх фонетичного варіювання.

Ключові слова: пареміографія, давньогрецька пареміологія, паремії, фонетична система давньогрецької мови, фонетичні варіанти, гіперкоректність, класичний аттичний діалект, іонійський діалект, койне.

Давньогрецька пареміологія неодноразово ставала об'єктом різноаспектних досліджень, які здійснювалися з позицій синхронного аналізу певних інваріантів фразеологічних одиниць. Результатом впливу основних процесів і тенденцій історичного розвитку грецької мови та дії певних екстралінгвістичних факторів стала варіативність паремій, які використовувалися протягом століть (з часів античності до періоду Відродження, коли сама давньогрецька мова вже набула статусу “мертвої” мови). Це дає дослідникам історії давньогрецької мови невичерпний матеріал для аналізу особливостей її розвитку на всіх рівнях, зокрема, фонетичному.

Особливості фонетичного варіювання давньогрецьких паремій, пов'язані з певними історичними змінами системи вокалізму давньогрецької мови, вже були предметом нашого дослідження [2]. Натомість, окремої уваги потребує аналіз фонетичних варіантів давньогрецьких ФО, поява яких зумовлена історичною зміною системи консонантизму давньогрецької мови.

Метою пропонованого дослідження є визначити основні екстралінгвістичні фактори, які зумовили формування фонетичних варіантів паремій давньогрецької мови, окреслити тенденції розвитку системи консонантизму давньогрецької мови, що знайшли відображення у фонетичних варіантах паремій, та проаналізувати особливості їхнього фонетичного варіювання.

Матеріалом дослідження особливостей фонетичного варіювання стали давньогрецькі паремії, вибрані методом суцільної вибірки зі збірників елліністично-римського періоду, періоду Середньовіччя та сучасних лексикографічних і пареміологічних джерел (Диогеніана Геракліота (I-II ст.), Плутарха (I-II ст.), Зенобія (II ст.), Грегорія Кіпрського (1241-1289), Макарія (XV ст.), Апостоля (бл. 1422 р. – бл. 1480 р.), які увійшли до видання “Corpus paroemiographorum graecorum” (13), “Index adagiorum Graecorum” Еразма Ротердамського (1467-1536 pp.) (14), словників Й. Х. Дворецького (9), О. Д. Вейсмана (8), М.І. Міхельсона (11) та інших).

Найдавніші збірники давньогрецьких паремій, які стали матеріалом нашого дослідження, належать до елліністично-римського періоду. У цей час у фонетичній системі давньогрецької мови відбувалися значні зміни. Поширена в той час койне мала,